

Глава 89. Суд Круглого стола

Когда Ли Цзяньчуань добрался до места гибели господина Морка, там уже собралась толпа. Леди Мофи, прижимая к себе маленького Скотта, стояла в самом центре круга.

— Господин Лос! — старый дворецкий, заметив его приближение, поспешно расступился и, когда Ли проходил мимо, вполголоса добавил: — Мы уже вызвали полицию, господин Лос. Однако ночной ливень вновь размыл дорогу к поместью. Ремонт затянется до самого вечера, так что до прибытия инспекторов нам придётся положиться на вас.

Ли Цзяньчуань присел на корточки, мельком взглянув на леди Мофи. Она, поддерживаемая горничной, казалась едва живой от потрясения.

— Это желание самой хозяйки? — Ли вскинул бровь.

Лицо леди Мофи было мертвенно-бледным, потрескавшиеся губы мелко дрожали.

— Д-да... господин Лос. Уверена, в подобных делах у вас куда больше опыта.

Ли Цзяньчуань неопределённо хмыкнул и перевёл взгляд на ребёнка, который сидел на руках у матери, низко опустив голову. Скотт, едва достигший двухлетнего возраста, был худ и мал, точно мартышка; отросшие волосы скрывали половину лица, мешая разобрать черты или выражение глаз.

Зрелище было более чем странным: маленький сын на месте гибели родного отца, а мать даже не потрудилась закрыть глаза ребёнку. Противоестественность этой ситуации была слишком очевидной.

Но Ли Цзяньчуань не проронил ни слова. Он опустил глаза и принялся за тщательный осмотр тела господина Морка.

Погибшему было около сорока. Коренастый, склонный к полноте мужчина с густой бородой, заметной плешивостью и характерным носом пьяницы. Он был облачён в купальный халат. Судя по всему, он рухнул вниз головой: лицо превратилось в кровавое месиво, смерть наступила мгновенно, а кости во всём теле были раздроблены в труху. Разобрать черты Морка не представлялось возможным, однако по его неестественно скрюченным конечностям и широко распахнутому рту Ли безошибочно ощутил ледяной, парализующий ужас.

Этот ужас, казалось, пропитал саму плоть погибшего в миг его падения.

Стоило Ли склониться чуть ближе, как в нос ударил резкий, удушливый запах спиртного. Проверив зрачки и слизистую носоглотки, он подтвердил догадку: господин Морк действительно был сильно пьян.

Но помимо этого, зацепок не нашлось.

Ли Цзяньчуань поднял голову. На четвёртом этаже, прямо над местом падения, на балконе валялась разбитая бутылка вина. Остатки жидкости засохли на перилах, а осколки стекла ярко сверкали в лучах утреннего солнца.

Ли помнил ту комнату — по пути в мастерскую дворецкий упоминал, что это был кабинет господина Морка.

— Леди Мофи, господин Морк выпал из кабинета на четвёртом этаже? Это помещение соседствует с вашей спальней. Неужели ночью вы не слышали никакого шума? — небрежно поинтересовался он.

Хозяйка качнула головой:

— Морк сказал, что хочет побыть один, и заперся в кабинете. Он даже не вышел к ужину. Я не придала этому значения... Скотт боится грома, он сильно плакал и кричал... Я и подумать не могла... Мне следовало зайти к нему...

Она задыхалась от слов, путаясь в оправданиях:

— Он не возвращался всю ночь, и я решила, что он уснул в кабинете. В последнее время он был так загружен делами... О боже, мне так жаль... простите...

Леди Мофи закрыла лицо руками, плечи её затряслись в горьких, надрывных рыданиях. Горничная тут же подала ей платок, шепча слова утешения.

Когда хозяйка высвободила одну руку, чтобы утереть слёзы, Скотт на её руках чуть приподнял голову. Его тёмные, полные необъяснимой злобы глаза на мгновение встретились со взглядом Ли Цзяньчуаня.

Ребёнок на миг замер, а затем его губы растянулись в странной, пугающей ухмылке, словно у маленького демона, расправившего чёрные крылья. Это выражение исчезло так быстро, что любой другой счёл бы его игрой воображения, но Ли обладал феноменальным зрением.

Наконец-то он увидел истинное лицо маленького Скотта. Одной этой вспышки было достаточно, чтобы последние сомнения в голове Ли Цзяньчуаня окончательно рассеялись.

Он больше не задал ни одного вопроса. Ли прекрасно понимал: о чём бы он ни спросил, ответы будут одинаковыми. Даже если приедет полиция, всё, что они смогут зафиксировать — это несчастный случай по неосторожности, вызванный алкогольным опьянением.

Точно так же, как в случаях с мисс Ил и горничной Беккой. Череди «удивительных» совпадений, замаскированных под капризы судьбы.

На цементном полу блестели лужи. Несколько гостей, разбуженных утренним переполохом, выглядели изнурёнными и растерянными. В их взглядах читалось скрытое подозрение; двое тихо шептались, вспоминая жуткие легенды о грозных ночах в поместье Морка.

— Признаться, я не нашёл ничего подозрительного, леди Мофи, — вздохнул Ли Цзяньчуань, внимательно наблюдая за реакцией хозяйки. — Я хотел бы ещё раз осмотреть кабинет. А вам, господа, лучше вернуться в столовую и позавтракать. Нет нужды стоять здесь и дальше.

— О, вы правы...

Гости словно очнулись от оцепенения. Леди Мофи, вновь рассыпавшись в извинениях, увела всех в столовую, чтобы дожидаться полиции за едой.

Ли Цзяньчуань в сопровождении старого дворецкого поднялся на четвёртый этаж. Под надзором старика он не мог действовать открыто, поэтому ограничился лишь поверхностным осмотром. Единственным уловом стали несколько странных писем, запрятанных в массивном томе какой-то книги.

Некто по фамилии Фейден, наслышанный о богатстве господина Морка, просил того инвестировать в некий проект. Страница с описанием самой сути проекта отсутствовала. Однако из последующих писем стало ясно, что погибший отказал. Тон Фейдена становился всё более раздражённым и дерзким. В последнем послании он писал: «Ваш возраст ещё позволяет надеяться на ясность ума, но вы уже лишились всякого честолюбия, уподобившись дряхлому старику».

«Это правое дело, и вы обязаны его поддержать. Справедливые начинания всегда заслуживают вложений. Должен сказать вам, господин Морк: вы упускаете сделку всей своей жизни».

«Я глубоко разочарован, но принимаю ваш отказ. Больше я вас не побеспокою. Можете не волноваться».

В конце письма была пририсована причудливая ухмыляющаяся физиономия.

«По-настоящему благородный человек может рассуждать о справедливости, но никогда не станет кричать о ней на каждом углу», — подумал Ли. Истинная справедливость всегда тверда и спокойна, подобно океану, принимающему в себя тысячи рек, а не подобна безумству яростного шторма.

Ли Цзяньчуань вернул письма на место, ещё раз окинул взглядом балкон, залитый багровым вином и усыпанный стеклом, и вместе с дворецким покинул кабинет.

В столовой аппетит был лишь у немногих. Гости сидели притихшие, охваченные смутной тревогой. Эта группа явно была менее искушённой, чем те посетители, что бывали здесь на более поздних выставках. Вид окровавленного трупа отбил у них всякое желание есть; лица присутствующих были серыми от напряжения.

Лишь Ли Цзяньчуань невозмутимо поглощал завтрак под странными, почти осуждающими взглядами соседей по столу.

Ближе к концу трапезы леди Мофи, казалось, взяла себя в руки. Она обвела гостей печальным взглядом и произнесла:

— Это была моя первая закрытая выставка, и я никак не ожидала, что она омрачится такой трагедией... После гибели Морка я не нахожу в себе сил продолжать. Мне бесконечно жаль, но я вынуждена объявить о закрытии показа сегодня в полдень. Как только дорогу расчистят, я распорядюсь, чтобы вас доставили в город...

Голос её звучал хрипло, в нём слышалась невыразимая скорбь и полное опустошение.

— Это единственно верное решение, леди. Вам нужно отдохнуть, — тут же отозвался один из гостей. — Мы глубоко соболезнуем вашей утрате...

— Благодарю за понимание, — вымученно улыбнулась леди Мофи.

После короткого обмена любезностями гнетущая атмосфера за столом начала понемногу рассеиваться. Ли Цзяньчуань проглотил последний кусок нежного хлеба, вытер губы и поднял взгляд, в котором светилась вежливая настойчивость:

— Леди Мофи, раз уж выставка закрывается так скоро, вы не станете возражать, если мы воспользуемся этим утром, чтобы ещё раз взглянуть на вашу «Легенду о Доме уединения»?

Лицо хозяйки на мгновение окаменело.

— Простите, господин Лос, но я уже велела слугам убрать полотна. После дождя в доме слишком сыро...

Ли выудил из кармана тот самый обломок белой свечи.

— Значит, ваши картины нуждаются в просушке? Не составит ли вам труда просушить и мою свечу? Мне очень хочется зажечь её.

Виноватое выражение на лице леди Мофи медленно сменилось угрюмой, ледяной злобой. В её глазах вспыхнула ядовитая ненависть. Она вперилась взглядом в Ли Цзяньчуаня и внезапно

выплюнула:

— Ты не Лос!

С этим криком она резко вскочила, намереваясь вцепиться в него.

Ли Цзяньчуань, ожидавший подобного, не стал медлить. Оперевшись ладонями о стол, он одним мощным движением перемахнул через него и бросился к лестнице, ведущей на четвёртый этаж.

В тот же миг все гости за столом замерли. Их лица на мгновение стали абсолютно пустыми, а затем на них проступила та же безумная, мертвенная злоба, что и у хозяйки. Синхронно, точно марионетки, они потянулись к Ли, вытягивая руки.

— Прочь!

Ли подхватил стул и с размаху обрушил его на преследователей, дробя кости двоим гостям. Кровь брызнула на скатерть, но раненые даже не поморщились. С искажёнными, утратившими человеческий облик лицами они продолжали наступать на него, точно выходцы из преисподней.

Ли Цзяньчуань двигался стремительно. Прорубив себе путь сквозь обезумевшую толпу, он взлетел по ступеням. Наверху дорогу ему преградили слуги — они высыпали в коридор, точно безмозглые зомби.

Действуя чётко и жёстко, Ли расшвыривал их ударами ног, пока не добежал до дверей мастерской. Однако дверь, в которую он только что с силой ударил плечом, не поддавалась. Она казалась не запертой, а наглухо замурованной.

Вскоре в коридоре показалась леди Мофи с ребёнком на руках. Её преследователи безмолвной стеной выстроились за спиной.

— Тебе не выйти отсюда! — пронзительно закричала она.

Ли Цзяньчуань ещё раз ударил в дверь ногой. Глядя на хозяйку и её безжизненных кукол, он не выказал страха. Слегка нахмурившись, он достал из другого кармана зажигалку.

Раздался характерный щелчок, и на кончике большого пальца заплясал язычок пламени. Ли медленно поднёс его к поверхности двери.

Леди Мофи мгновенно изменилась в лице:

— Что ты делаешь?! Нет... Чего ты хочешь?!

Ли не остановился, пламя почти коснулось дерева. На лице женщины отразился неопиcуемый ужас, который она больше не могла скрывать. Она рванулась было вперёд, чтобы помешать ему, но тут же замерла. После их короткой стычки она осознала: скорость и мощь этого человека выходят за рамки обычного понимания. Ей не успеть остановить его.

— Стой! — в отчаянии выкрикнула она. — О чём ты хочешь спросить? Что тебе нужно? Я всё скажу! Только... только убери огонь!

Ли Цзяньчуань чуть повернул голову, удерживая зажигалку у самого полотна двери. Бледное пламя почти неощутимо лизало дерево. Странно, но на двери тут же появилось тёмное пятно, будто огонь пожирал не массивный дуб, а тонкий лист бумаги.

— Я люблю честные сделки, — небрежно бросил Ли, глядя на хозяйку. — У меня всего два условия. Первое: через несколько минут вы откроете этот холст и выпустите меня. Второе: вы ответите на мои вопросы. Как раз наступило время моего финального теста, и я также готов ответить на некоторые из ваших вопросов.

Леди Мофи тяжело дышала, её грудь бурно вздымалась. Она смерила Ли ненавидящим взглядом и процедила:

— Хорошо.

Ли Цзяньчуань щелчком закрыл зажигалку и прислонился к двери. Ледяной пот пропитал его рубашку, прилипшую к спине. Он втайне ликовал — ставка сыграла.

Скрыв облегчение, Ли не стал смотреть на леди Мофи. Он нащупал в кармане карточку для ответов и перьевую ручку, появившиеся там сами собой.

— Признаю, в этом раунде у меня накопилось немало вопросов. Но полагаю, к этой минуте я отыскал почти все ответы, — Ли снял колпачок с ручки. Его голос звучал расслабленно. Тёмно-серые пряди волос упали на лоб, скрывая едва заметное мерцание в глубине глаз.

— Начнём с самого очевидного, леди Мофи. Я готов поверить в существование гениев и в истории о талантах, проснувшихся в зрелом возрасте. Однако я не верю, что этот дар принадлежит вам. Все ваши полотна — лишь копии работ маленького Скотта. Видимо, именно тогда вы осознали, каким сокровищем обладаете.

— Вы всегда страстно желали писать, но были лишены искры божьей. А после рождения Скотта вы поняли, что талант — вещь несправедливая и необъяснимая. Его детская мазня была на голову выше всего, что вы вымучивали долгими часами. Более того, Скотт — ребёнок, и ребёнок особенный. Он видит мир под иным углом, и его картины обладают пугающей магией

и силой.

Ли приподнял бровь, глядя ей прямо в глаза:

— И вы присвоили этот стиль себе, не так ли?

Леди Мофи словно успокоилась. Она стояла посреди коридора и без тени смущения кивнула, в её осанке проступила надменность:

— Подражать работам собственного сына... Не вижу в этом ничего постыдного. Его картины незрелы. Можно сказать, я лишь довожу их до совершенства, направляя его руку.

Ли Цзяньчуань коротко рассмеялся — зло и хрипло:

— Не трудитесь оправдываться. Вы оба — и мать, и сын — стоите друг друга. Не спешите возражать. Я точно знаю: мисс Ил, горничная Бекка и господин Морк... У всех этих смертей лишь один виновник. Вы.

Он сделал паузу, чеканя слова:

— Но у меня нет улик.

— Я не верю, что злодеяние может не оставить следов. И именно это отсутствие доказательств, эта пугающая «чистота» несчастных случаев подтолкнула меня к дерзкой догадке. Так я и узнал секрет Дома уединения...

С этими словами Ли Цзяньчуань прижал перо к белой карточке, и на бумаге одна за другой стали появляться изящные строки английского текста.

<http://bllate.org/book/15871/1570094>